

Анна Михалевская

Тот, кто терпеливо ждет

Рассказ посвящается Евгению Михайловичу Голубовскому, чуткому наставнику, доброму другу и бесстрашному первооткрывателю лучшего в каждом из нас. Человеку всегда из настоящего и никогда из прошлого.

– Что пишешь?

Что я пишу? Инструкции к программам. Записки, что купить на базаре. Задания на сегодня. Пишу короткие посты в интернете и длинные у себя в голове. Пишу сообщения в прошлое и будущее. Пишу уйму всякой ерунды. Но он, конечно, ждет другого ответа.

– Начала роман, – признаюсь я, мечтая о том дне, когда его закончу, – о войне.

– Пиши о любви, – парирует он, сразу улавливая мое настроение, вернее, его отсутствие.

– О любви неинтересно, – зачем-то сопротивляюсь, будто уже все о ней знаю.

Он улыбается. Мягко, но со смыслом. Кто бы еще мог так нежно дать понять, что я неправа.

– Пришлешь почитать?

Этого я боюсь еще больше, чем вопроса, что пишу. Хотела бы сказать, да. Но имеем, что имеем. Вернее, не имеем.

– Нечего пока присылать, первые главы переписаны раз пять. И это еще не предел.

– Понятно, – кивает он.

Но ему непонятно. Я смотрю на себя его глазами, в своей наглости думаю, что могу посмотреть его глазами, и мне тоже стано-

вится непонятно. Если я могу писать романы, то какого лешего это не делаю? В голове крутятся весомые, просто неподъемные в своем весе аргументы: жизнь важнее, надо работать, а кто сварит суп, год не была в отпуске...

– Будешь коньяк? – обрывает он мой внутренний монолог.

Нет, я не пью, собираюсь ответить, но осекаюсь. Хочется хоть с чем-то согласиться.

– Немного, – говорю и планирую: просто добавлю коньяк в чай.

Незаметно выливаю полрюмки в дымящуюся чашку. Ну как незаметно – портреты аж выпрыгивают из рам от такого нарушения творческого этикета. Особо чувствительные – картинно закатывают глаза.

– За любовь! – говорю нехитрый тост и, забывшись, поднимаю чашку.

Чокаемся. Выпиваем.

– Угощайся!

К своему удивлению, тянусь за шоколадом, который обычно не ем. Портреты одобрительно кивают. Мол, есть надежда. Не все потеряно.

– Тебе надо выступать, читать свои тексты со сцены, – продолжает он.

Я съезживаюсь и хорошенько запиваю свое «нет» чаем. Я хотела бы – и со сцены, и просто так.

Хотела бы... Но как тогда роман? И как жизнь? И работа? И отпуск?

Вопросы, как беспризорные дети, остаются гулять где хотят. Их никто не воспитывает. Ими не занимаются. Они свободные и злые.

Говорим обо всем. С ним можно. Я начинаю фразу и вижу по лицу, что он на нее уже мысленно ответил. И услышал мой ответ. Он вообще умеет слушать. Не тех, кто пришел с ворохом проблем. А тех, кто стоит с лучиной где-то на дне души каждого из нас и терпеливо ждет, чтобы его заметили. Тех, кого мы боимся. От кого бежим. Ведь они знают то, чего мы не хотим знать. А он – не боится и не бежит. Он слышит именно их, с ними ведет беседу.

Потому люди уходят отсюда немного другими, чем пришли.

«Наконец-то, – паясничают портреты, хлопая себя по лбу. – Она что-то начала понимать!»

– Жду роман!

Это не вежливость. Это правда. Он действительно ждет. Чем-то напоминая того далекого, на дне души.

* * *

Теперь портреты остались одни. Без хозяина они ведут себя смиренно, вполне правдоподобно притворяясь обычными картинами.

Но я-то знаю. Мы все знаем.

Его голос. Он звучит все так же – только не снаружи, а внутри моей головы.

И голос задает все тот же вопрос: «Что пишешь?».

Я не могу промолчать. Отвести глаза. Отшутиться.

Передо мной стоит человек, и в руке у него еще теплится огонек.

Он бы хотел, чтобы свет не погас. Мы все бы этого хотели.

«Что пишешь?»

И я отвечаю:

– Роман. О войне и о любви.

– Пришлешь? – шутит он.

– Проживу, – обещаю я.

Фото Анны Голубовской